

Будучи в сто крат сильнее князя, охваченный злостью Жун Тянь, вопреки гневу, мягко улыбнулся:

— Госпожа сделала всё возможное, чтобы связать судьбу с господином. К сожалению, он уже сказал, что не согласен жениться. Сейчас даже Фэн Мин ни имеет к нему никакого отношения, отравление всё равно делу не помогло бы. Так почему бы госпоже не «сложить своё оружие» и не сдаться? Возможно, тогда мы сможем объединить наши усилия и найти нужную точку в умениях учителя. Тогда, вероятно, в обсуждении этого вопроса появится просвет.

Взгляд красивых глаз, которые с лёгкостью двинулись, остановился на Жун Тяне, а сама женщина, хихикая, проговорила:

— Достойный император Силэй полон спокойствия. Хотя я знаю, что в душе Вы мечтаете меня убить. Только вот противоядия у Вас нет, поэтому не сумеете прибегнуть к оружию. Верно, мой возлюбленный упорствует, так как любить по принуждению нелегко.

Слегка задумавшись, госпожа Яое вновь сказала:

— Вы правы, вместо того, чтобы враждовать, лучше объединить усилия, в каком-то смысле Вы являетесь любимым учеником моего возлюбленного, и кто знает, может, поможете мне.

— Госпожа тоже так считает, тогда превосходно. В конце концов, госпожа считается матушкой-наставницей этому императору, потому этот император обязательно поможет. — Сам же молодой мужчина прекрасно понимал, что перед ним стоит крайне умная женщина, умничать — значит вызвать её ненависть, лучше всего действовать методом атакованной змеи, что взобралась на палку с желанием немедля ужалить противника, потому он откровенно сказал: — Вот только раз у нас союз, тогда стоит держаться принципа «без отравленных союзников», так что прошу госпожу сначала отдать противоядие, и после мы вновь всё как следует обсудим.

— Какой же смышлёный император Силэй, — и холодная насмешка заиграла на губах госпожи Яое. — Немного яда в Вашем теле разве не заставит Вас действовать ещё усерднее? — Увидев, что Жун Тянь нахмурился, слегка морща лоб, Яое вновь встречно отозвалась: — Не хочу преждевременно сердить императора Силэй, но пока не дам противоядия, однако небольшой подарок покажет мои искренние помыслы. — И, сказав это, женщина указала куда-то в сторону.

Жун Тянь и Фэн Мин проследили за движением пальца, только тогда обнаруживая, что женщина и впрямь приготовила подарок.

Причём сам короб как раз стоял на маленьком чайном столике рядом с горячим ароматным чаем.

При виде этого подарка князь почувствовал, как сердце ёкнуло.

Этот короб казался до боли знакомым, ведь почти такой же он недавно видел и в комнате Мэй Цзи.

В том коробе лежала голова императора Тун Цин Дина, а в этом что, неужели ещё одна человеческая голова?

— Что внутри? — поинтересовался Фэн Мин.

Посмотрев на сына, Яое задала встречный вопрос:

— Осмелишься открыть?

Фэн Мин взглянул на лицо, которое было похоже на него как две капли воды, но сейчас женщина проявляла крайнее пренебрежение к князю, отчего по сердцу словно кто-то безжалостно полоснул, причиняя прерывистую боль. Чувствуя это, Фэн Мин не выдержал и громко спросил:

— В конце концов, что я такого сделал? Вы так меня ненавидите, что готовы навредить мне? Я... я неужели не Ваша... Ваша плоть и кровь?

Беспокоясь за князя, император Силэй невольно сделал несколько шагов, приближаясь.

Фэн Мин обернулся к Жун Тяню и громко выпалил:

— Не беспокойся, я в порядке, просто хочу лично расспросить со всеми подробностями.

Его слова не имели значения, так как слёзы уже давно текли из глаз, обжигая собой кожу. Скользя по нежной щеке, они, срываясь с подбородка, падали на пол.

Что касается самой госпожи Яое, то женщина раньше никогда не разговаривала со своим сыном, только увидела, что он сейчас стал взрослым и очень похожим на неё, словно перед женщиной стояла она же. Более того, глядя, как её «копия» плачет, женщина невольно, будто сквозь сон, на миг увидела стоящую перед собой юную себя, которая точно так же плакала, спрашивая у любимого: почему он её предал?

Ненадолго задумавшись, Яое пришла в себя и лишь когда успокоилась, блёкло проговорила:

— Верно, я раньше очень тебя ненавидела.

Сделав паузу, женщина спросила князя:

— Твоё искусство меча плохое, да?

Фэн Мин, только что сетовавший и выплёскивающий всё, что на сердце, и громко призывавший Яое к ответу, неожиданно услышал вопрос, что был задан слабым, словно ветерок, мягким голосом, который был также подобен падающему на тарелку жемчугу, неожиданно замолк и, опустив голову, ответил:

— Да.

— И физически ты тоже плох, верно?

— Лишь на то, чтобы держать меч, ушло немало времени?

— ...Угу. — Князь искоса посмотрел на Жун Тяня.

Ведь искусство владения мечом князь перенял у императора Силэй, однако поначалу, чтобы превозмочь боль и научиться держать меч в руках, Фэн Мину действительно пришлось потратить немало дней.

Если бы не дальнейшее усложнение ситуации, которая вынуждала, отбросив лень, упражняться, чтобы сохранить себя, а также крайне терпеливое отношение Жун Тяня, кто знает, может быть, князь до сих пор не смог бы держать меч в руках и продемонстрировать полученные навыки.

В итоге, когда Яое затронула врождённый талант к искусству владения мечом, Его Светлость не мог с этим поспорить.

Он действительно был бесталанным.

— Ты даже внешностью не похож на своего отца.

На что Фэн Мин лишь промолчал.

Мальчик, похожий на мать, конечно, явление частое, однако, когда ребёнок был похож на отца как внешностью, так и всем остальным — редко встречалось. Но, когда внешность совпадала с внешностью матери, копируя её словно близнеца, такое всё же действительно не каждый день увидишь.

Госпожа Яое слегка вздохнула:

— Я знаю свою горькую судьбу, но почему даже мой сын, которого я все девять месяцев носила

под сердцем, стал для меня помехой? Как с такой внешностью и талантом ты можешь называться наследником Сяо Цзуна?

Только вот слова, что она говорила, на самом деле не имели смысла, однако глядя, как её изящные брови слегка хмурятся, а на лице отражается переполняющая душу печаль, всякий бы невольно проникся к женщине небольшой симпатией. Осознав эти чувства, Фэн Мин потёр нос и печально проронил:

— Я... я...

Стоящий рядом Жун Тянь всё же нахмурился:

— Госпожа слишком предвзята. Вы подарили жизнь этому ребёнку. Есть или нет талантов, с какой внешностью он вырастет — разве это не Ваша ответственность? Подождите, давайте не будем уходить от первоначальной темы — что именно лежит в том ящике?

Только тогда Фэн Мин вспомнил про коробку и, обернувшись, взглянул на неё. Ему хотелось подойти и открыть её, но он увидел, как Жун Тянь подмигивает, останавливая его поспешность и даже позволяя госпоже Яое увидеть это.

На что женщина проговорила:

— Вы не осмелитесь открыть, подозреваете, что я отравлю вас?

Но Жун Тянь улыбнулся и не ответил, явно умалчивая что-то.

Госпожа Яое на самом деле была высокомерной женщиной, однако Жун Тянь много лет учился у Сяо Цзуна и волей-неволей перенял некоторые манеры и настроение учителя. Увидев, что император Силэй завёл руки за спину, а уголки губ дрогнули в улыбке, неожиданно слегка отражая манеру любимого Сяо Цзуна, Яое почувствовала, как неизвестно откуда появилась злость, заставляя тотчас же сказать:

— Ладно, я сама её открою и покажу вам.

Подойдя к краю стола, Яое открыла короб.

Внутри оказалась серебряная мисочка в золотой оправе, которая стояла на красном шёлковом бархате, отражая заглянувший в комнату луч света.

Сердце замерло от страха [1], а сам князь, заглянув внутрь и не обнаружив человеческой головы, вздохнул с облегчением.

Жун Тянь, подойдя и внимательно рассмотрев, внезапно проговорил:

— На ней знак правящего дома Фаньцзя.

На что Яое отозвалась:

— Верно, эта вещь из дворца Фаньцзя.

Немного поразмыслив, Жун Тянь вновь спросил:

— Этой вещью пользуется Лун Тянь?

Яое рассмеялась и, внезапно слегка хлопнув в мягкие и белые ладони, воскликнула:

— Достойный император Силэй такой сметливый, неудивительно, что мой дорогой Сяо Цзун так высоко ценит Вас. — Окинув косым взглядом пребывающего в замешательстве Фэн Мина, женщина тотчас же вздохнула, явно давая понять, что родила этого действительно никудышного глупца.

Жун Тянь догадался, о чём думает эта женщина, и его душу тотчас же охватило отвращение по отношению к ней. Ведь в душе Жун Тянь знал, что Фэн Мин умный и очень милый, более того, во всём мире не было ни одной души, способной вызвать огромную любовь императора Силэй. Тогда почему же родная мать так презирает своего ребёнка? С равнодушием молодой мужчина проговорил:

— Это сущий пустяк, так как сейчас во дворце Фаньцзя остался лишь лже-правитель Лун Тянь, если это не его, то чья ещё? Что за яд ему в еду подсыпала госпожа?

Услышав это, князь протянул: «А-а», похоже, всё понимая.

Госпожа, как было сказано ранее, приподнесла Жун Тяню подарок, должно быть, подразумевая помочь последнему уничтожить Лун Тяня.

С ловкостью Яое отравлять, кто знает, может, в пищу Лун Тяня уже добавлен какой-нибудь неизвестный яд, а эта миска сейчас преподносилась в качестве доказательства.

Яое спросила:

— Император Силэй всё ещё помнит, как был отравлен старый император Фаньцзя?

— Да! — Фаньцзя была первой страной, куда отправился князь Мин в качестве посла, где

произошли потрясающие события, которые при упоминании госпожой Яое тотчас же всплыли из глубин памяти, заставляя вскрикнуть: — Маньшэ? Разве этот яд не императора Ли Жо Яня?

Яое слегка фыркнула:

— Во всём мире рецепты двух великих ядов знает именно лишь император Ли?

Но так как Жун Тянь был человеком очень осторожным, потому вновь, выискав сомнительный момент, сказал:

— Яд маньшэ как раз из тех ядов, которые убивают медленно, изо дня в день на протяжении долгого времени, а так как Лун Тянь погряз в крови, то жутко боится, что его могут отравить, и предпринимает крайне строгие меры, но даже если у госпожи есть яд, возможно ли подсыпать его Лун Тяню в еду?

Яое всё с той же безразличностью ответила:

— У каждого свои методы, уж не хочет ли император Силэй разузнать всё в подробностях? Верно говорят: стоит мне лишь захотеть отравить, не говоря уже о Лун Тяне, даже императору Силэй не скрыться в императорском дворце.

Когда госпожа Яое договорила, Жун Тянь не стал больше возвращаться к этому делу и, слабо улыбнувшись, больше не спрашивая, протянул руку, жестом приглашая женщину присесть, и поменял тему:

— Если госпожа захотела убить Лун Тяня, то это принесёт огромную пользу моему Силэй, это действительно огромный подарок. Однако, что касается меня, то мне важнее противоядие.

— Как только мой возлюбленный Сяо Цзун согласится взять меня в жёны, противоядие сразу же окажется у вас.

Фэн Мин, также сев рядом за стол, слушал их «торг». Князь прекрасно понимал, что если сейчас он откроет рот, то наверняка скажет много чего нехорошего, поэтому лучше просто держать язык за зубами. Однако в душе проскользнуло: «В её взгляде не было злости. Если она знает, что я её сын, нужно ли мне ей сказать, что я не Ань Хэ?»

— Если бы учитель согласился взять Вас в жёны, то сидели бы этот император с госпожой сейчас за этим столом, обсуждая данную тему? Госпожа хочет, чтобы этот император сотрудничал с Вами, тогда лучше всего сначала выдвинуть достаточно искренние намерения.

— Неужели жизни императора Фаньцзя ещё недостаточно?

— Когда именно яд начнёт действовать?

— В течение трёх месяцев.

— Однако с ядом, что сейчас в моём теле, боюсь, смогу продержаться месяц, не более.

Яое с равнодушной непринуждённостью ответила:

— Император Силэй, умный человек, разумеется, сможет воздерживаться и перед тем, как выйдет яд, будет держаться как можно дальше от своего любовника.

Жун Тянь внезапно поднялся.

Фэн Мин вздрогнул от испуга, считая, что мужчина ужасно зол и немедленно хочет приказать ожидающей снаружи охране вломиться в комнату.

Однако кто бы мог подумать, что, подняв голову, Фэн Мин увидит загадочную улыбку на губах любимого императора.

— Госпожа, матушка-наставница, — обняв ладонью одной руки кулак другой [2] и поклонившись Яое, как того требует этикет, Жун Тянь отчётливо сказал со смехом, — прошу матушку-наставницу не ходить вокруг да около, а прямо всё рассказать Жун Тяню. Матушка-наставница умная и прекрасно понимает, что учитель Сяо не согласится на Ваши условия, поэтому лично встретилась с нами, к тому же, чтобы доказать искренность помыслов, преподнесла подарок, видимо, у матушки-наставницы появился новый план, как уговорить учителя. К тому же наверняка хотите воспользоваться нашей помощью, неужели я не прав?

Неожиданный поступок Жун Тяня и его лёгкое «матушка-наставница» заскребли в душе госпожи Яое. Хоть этого женщина и не показывала, однако её голос дрогнул:

— Ваше Величество, прошу, присядьте. Вы тоже умный человек и понимаете, что я бы сюда не приехала, не будь у меня на то веских причин.

Жун Тянь подумал, что наконец-то женщина перешла к самой сути. Выпрямившись и вновь сев на стул, Жун Тянь вместе с Фэн Мином стали внимательно слушать, что же им расскажет госпожа Яое.

Сама же женщина, по-видимому, уже давно подготовила слова, однако не спешила сразу всё рассказывать, вместо этого она вытянула пальцы и, опустив голову, долгое время внимательно разглядывала их, после чего медленно подняла лицо, спрашивая у Жун Тяня:

— Как отреагировал Сяо Цзун, получив моё письмо?

Жун Тянь сразу же ответил:

— Учитель на самом деле весьма хладнокровный человек, однако прошлой ночью, стоило ему узнать о Вашем письме, как его лицо резко изменилось, по-видимому, имя госпожи заставило несколько раз вздохнуть от тяжёлых воспоминаний. По-моему, учитель в душе всё ещё скучает по госпоже, вот только он очень упрям и сильно одержим своим искусством меча, и ни за что не признается в своих чувствах.

Хоть Сяо Цзун слегка отреагировал на письмо, а не так, как преувеличил Жун Тянь, но ведь это было ради их с князем «счастья в сексуальной жизни», как бы то ни было, нужно сначала уладить дело с госпожой Яое, а там было бы видно. От услышанного на лице Яое проскользнула радость.

На лице, что было так похоже на Фэн Мина, появилась шелковинка радости, однако вскоре прилив чувств быстро стих:

— Не думаю, что император Силэй лжёт. Я хорошо знаю любимого, в душе он крайне взволнован, настолько, что не сможет этого скрыть. Вот только даже если это ложь, мне она очень нравится. — Договорив, женщина выпрямилась и, пристально глядя на императора Силэй, проговорила, подчёркивая каждое слово: — Так много лет прошло, но я всё ещё не могу бросить любимого, так как знаю, что я — его единственная возлюбленная.

Её слова легко сорвались с губ, однако в них ощущалась уверенность и необыкновенная решительность.

Фэн Мин же в душе подумал: «Из-за того, что Вы подарили ему бесталанного ребёнка, Сяо Цзун сразу же бросил Вас, и это называется "единственная возлюбленная"?»

Вот только подумав, что его мать после того, как Сяо Цзун бросил их на произвол судьбы, в течение долгих лет, возможно, испытывала душевные терзания, князь посчитал, что стоит ей посочувствовать и затем вновь вернуться к разговору о противоядии, а все эти мысли неплохо бы высказать.

Жун Тянь однако выразил одобрение:

— Госпожа безусловно права, я много лет считаю его своим учителем, если кто-то и не может отпустить сердце учителя, то только госпожа. Мы всё прекрасно понимаем, потому прошу госпожу, продолжайте говорить.

Уголки губ женщины приподнялись, вот только создавалось ощущение, что улыбка эта была полна горести:

— Я долго ждала его и не хочу больше тихо ждать. На этот раз я решила воспользоваться

«кровью возлюбленных», чтобы посмотреть, сжалится ли его сердце над родным сыном.

На что князь вмешался:

— И смотреть не к чему, в нём не осталось ни капельки жалости. Более того, прошлой ночью мы с Жун Тянем ходили встретиться с ним, но он одним махом отверг обменное условие, даже не колеблясь.

Но госпожа Яое невольно проговорила:

— Это не имеет значения, его характер мне понятен. Разве ему легко лично признать, что любит меня? Если бы «кровь возлюбленных» была так хороша, мне бы не было необходимости ждать все эти годы.

Князь настолько изумился, что с шумом поднялся со стула:

— Раз уж Вы знали, что меня бесполезно травить, то зачем подсыпали этот яд?

Женщина, согнув палец с длинным и острым коготком, легонько застучала по краю чашечки, словно отстукивая лёгкую трогательную мелодию. Наконец остановившись, госпожа посмотрела на Фэн Мина, отвечая:

— Я выбросила маленького тебя, оставив без заботы, ты наверняка люто ненавидишь меня, и поспешить мне на помощь ты, по всей вероятности, не согласишься. Я подумала-подумала и решила, что рассчитывать на себя лучше, чем полагаться на других, сначала я тебя отравлю, а ты ради противоядия, конечно же, выслушаешь мои требования.

От этих слов в голове застучало, принося ужасную боль, из-за такого изорванного в клочья мотива она, госпожа Яое, неожиданно решила прислать короб с ядом и отравить родного сына, с которым не виделась двадцать лет.

Не зная, то ли излить злость, то ли рассмеяться, князь лишь простонал что-то непонятное.

— Госпожа уже давно всё придумала, она могла этим противоядием вынудить учителя, тогда было бы лучше всего, однако если нельзя угрожать учителю, то можно угрожать нам. — Жун Тянь был крайне невозмутим и, спокойно улыбувшись, вежливо спросил: — Интересно, чем мы можем помочь госпоже?

— Верно, в конце концов, чем мы можем помочь? — почти готов был чесать затылок Фэн Мин.

Чуть что подсыпать яд — весьма трудное занятие, неудивительно, что его отец, Сяо Цзун, тоже не выдержал, даже родной сын не может от неё избавиться... Ведь всё же, используя

противоядие, она вынуждает их пойти на что-то, а вот на что — это как раз главный вопрос.

Добравшись до главной темы, госпожа Яое, наоборот, медленно поднялась с места.

Взгляд таких же больших и чёрных глаз, как у князя, неторопливо скользнул по лицу Жун Тяня и остановился на нетерпеливом фениксе, после чего, слегка сжав красивые ярко-алые губы, женщина проронила:

— Я хочу, чтобы ты, — обратилась Яое к Фэн Мину, — оставался рядом с моим любимым.

От подобного не только Фэн Мин остолбенел, даже Жун Тянь, который бровью не повёл бы, если бы перед ним сошёл оползень с горы Тайшань.

— Что имеет в виду госпожа?

— Не может быть, чтобы...

— Я хочу, чтобы мой возлюбленный хорошенько вспомнил меня. Хочу, чтобы он знал, что он мой любимый, чтобы ему нравилось, что я всегда рядом, нравилось каждый день видеть моё лицо, — говорила госпожа Яое, при этом отчётливо произнося каждое слово, в котором чувствовалась изумительная мощь. — Ты дашь мне возможность, изображая меня и позволяя возлюбленному вспомнить то время, когда мы были вместе. Он понемногу вспомнит нашу супружескую любовь и те дни, похожие на дни небожителя, когда он стремился ко мне в тысячу, в десять тысяч раз сильнее, чем к искусству владения мечом.

Увидев искорки в глазах матери, князь невольно испугался и подумал: «Эта женщина сумасшедшая. Неужели она хочет отослать собственного сына к своему мужу, чтобы то-сё?..»

Придя в себя, Жун Тянь поразмыслил и спросил:

— Оказывается, госпожа просто хочет вызвать в учителе воспоминания, тогда почему не отправились сейчас к нему, чтобы встретиться с ним? Либо можете сразу, пользуясь случаем, остаться здесь ненадолго и пожить с ним несколько дней.

— Нет, — коротко выплюнула Яое, после чего ненадолго замолчала, а когда открыла рот, её лицо всё же залилось румянцем, а сама женщина приглушённо добавила: — Император Силэй считает, что я неприличная женщина? Я хочу, чтобы Сяо Цзун вспомнил счастливые дни, понял, что ошибался, и сам явился умолять меня, и только тогда я с ним встречусь.

Услышав это, Фэн Мин чуть в обморок не упал.

Возможно, это несчастье произошло из-за манер этой невыносимой женщины, что была горда

и в то же время смущена. Обязательно было заставлять Сяо Цзуна изменить свои намерения насчёт женитьбы, чтобы она удовлетворилась?

Вот только действительно сложно было представить, что госпожа Яое, взяв на себя инициативу, отправится к Сяо Цзуну и с нежной заботой составит ему компанию.

Фэн Мин со вздохом проговорил:

— Правильно ли рассуждает госпожа? Сейчас фактически Сяо Цзун упрям, словно твёрдый камень [3]. Ради своего искусства владения мечом отказался принять своих жену и сына. Допустим, я соглашусь и стану, притворившись Вами, маячить перед глазами, но он наверняка сразу же не вспомнит тот короткий промежуток времени и, горько рыдая, не приползёт, умоляя Вас вернуться.

При мысли о себе с Жун Тянем в душе начало разрастаться чувство обиды, более того, двое мужчин прекрасно понимали, что бессильны перед длительным любовным тупиком этой пары врагов.

Однако, когда князь пытался разглагольствовать, промывая мозги сумасшедшей Яое, Жун Тянь, немного поразмыслив, внезапно прервал тираду любимого феникса:

— Фэн Мин, ты помнишь, что вчера ночью сказал учитель, услышав имя госпожи Яое?

Из-за этого вопроса князь прервал себя на полуслове и, позабыв роптания, отмахнулся со словами:

— Что именно? Он лишь категорически отказал.

— Кроме этого, учитель ещё сказал, что ему понадобилось ровно пятнадцать лет, чтобы забыть лицо госпожи, после чего он снова вернулся на путь к искусству владения мечом, — упомянув это, Жун Тянь, обладая жемчужинами мудрости, обернулся и взглянул на Яое, обнажая во взгляде уважение.

Хоть на первый взгляд могло показаться, что слова крайне невероятны и бессмысленны, однако, если хорошенько подумать, то можно было увидеть особую зацепку.

Жун Тянь, уже догадавшись, медленно проговорил:

— Сначала госпожа искала удобный случай, чтобы отравить Фэн Мина, а затем под предлогом отдать противоядие прислала записку, вынуждая учителя жениться. Вы не только позволили господину узнать, что Фэн Мин — его сын, но и умудрились проникнуть сквозь отборное войско, и всё только для того, чтобы учитель вспомнил прошлые деньки, проведённые с Вами.

На лице Яое появилась блёклая улыбка, давая понять императору Силэй, что он угадал.

Фэн Мин половину из сказанного понял, а половину — нет, только не желая быть невежей, князь, раздумывая над словами Жун Тяня, пробормотал:

— Пятнадцать лет, пятнадцать лет? — выкрикнул Фэн Мин, внезапно поняв. — После того как сделан первый шаг, естественно, следует второй. А вторым Вашим шагом на «гобане» [4] Вы хотите, чтобы я составлял компанию Сяо Цзуну, позволяя ему как можно чаще видеть в моём лице Вас, препятствуя его тренировкам.

— «Сосредоточиться, чтобы беспрепятственно овладеть навыками искусства владения мечом». Наставнику в те годы понадобилось пятнадцать лет, чтобы забыть госпожу, сейчас, если всем сердцем и всеми помыслами постараться вызвать эти воспоминания, то, возможно, понадобится ещё больше времени, чтобы вновь всё забыть. Ах, но сколько ещё таких «пятнадцать лет» осталось в запасе человеческой жизни? «Сокрушить дух врага — лучшая стратегия», а госпожа хорошо осведомлена насчёт искусства войны, — упомянув до этого места, Жун Тянь в основном приблизительно понял причину и следствия.

Заметив, что Яое нисколько не отрицает сказанного, Фэн Мин резко вздохнул и, потирая руки и топая ногой, сказал:

— Вы отравили меня только по двум причинам: во-первых, позволили раскрыть отцовские и сыновьи чувства между мной и Сяо Цзуном, соответственно думая, что напомните о себе, — эту цель Вы уже достигли. Во-вторых, чтобы я постоянно досаждал учителю Сяо, не позволяя ему всецело думать об искусстве владения мечом. Я соглашусь взяться за это дело. Хорошо, сейчас мы договоримся — Вы даёте мне противоядие, и я тотчас же отправлюсь создавать проблемы Сяо Цзуну, — осторожно раскрыв белую ладонь перед лицом госпожи Яое, князь потребовал противоядие.

Сама же женщина, увидев милое выражение лица князя, не смогла сдержаться и ненадолго уставилась на него:

— Ты, глупый ребёнок, не только не похож на моего любимого, но и ни капли на меня. — Естественно, сама женщина не отдавала противоядия, вместо этого она грациозно поднялась со стула. — Что ж, мне пора. Перед тем как получить противоядие, сначала выполни дело, только тогда, разумеется, отдам его тебе. — И лёгкой поступью женщина направилась к двери.

Жун Тянь и Фэн Мин, увидев, что Яое уходит без колебаний, тотчас же выпалили:

— Пойдите! — в несколько шагов догнали её.

В этот момент Яое уже дошла до двери.

Прислуживающие у дверей Ле-эр и Жун Ху, не услышав приказ Жун Тяня на задержание Яое, увидели, что женщина, словно игнорируя [5] их, выходит из комнаты, и не знали, крикнуть и созывать сидящую в засаде охрану или всё же не стоит, но внезапно увидев, что государь вместе с Его Светлостью следуют за госпожой, тотчас же проглотили приказ «Сюда!», вертевшийся на языке, и отступили в сторону.

Госпожа Яое остановилась и, повернувшись, с улыбкой спросила:

— Почему император Силэй решил отдать приказ схватить меня?

Жун Тянь заметил, что женщина спокойна и невозмутима, кто знает, может, после задержания она сознается?

Этой женщине в ядах не было равных, задерживать её никак нельзя, да и разрывать с ней отношения [6], на самом деле, нет необходимости. Потому император Силэй, махнув рукой, приказал Ле-эру и остальным уйти прочь, затем спросил:

— Я в душе всё ещё недоумеваю. Допустим, у госпожи получится подпортить самосовершенствование учителя и заставить учителя свернуть с его пути, но охотно ли учитель полетит крылом к крылу [7] с госпожой? Госпожа считает, что получится всё слишком легко?

На что сама женщина слегка рассмеялась и, дважды чуть покачав головой, тихо рассыпала по плечам тёмные пряди волос, придавая себе весьма очаровательный и трогательный вид.

Подняв утончённую, словно стрелки лука, руку и беззаботно загибая пальцы, стала считать:

— Сделан первый шаг, сделан второй шаг, так почему же император Силэй считает, что я не сделаю и третьего шага? Но об этом говорить слишком рано, позже Вы сразу поймёте.

Женщина, развернувшись, ушла, а не получившие приказа солдаты, которые находились в засаде, не посмели поступать опрометчиво.

Жун Тянь стоял, так и не двинувшись с места, Фэн Мин, стиснув зубы, не подал голоса, лишь смотрел, как грациозный и тонкий силуэт госпожи Яое растворяется вдали.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «сердце поднялось, а желчный пузырь повис», обр.: перепугаться, прийти в панику; душа в пятки ушла; сердце замерло, дрожать от страха.

[2] Приветствовать сложенными руками на уровне груди, малый поклон.

[3] В оригинале фраза звучит как «камень [из которого сделан пол] в уборной — вонючий и твёрдый», обр.: твердолобый, своевольный, упрямый.

[4] Гобан — игровое поле для игры в го, выполненное в виде толстого деревянного столика на невысоких ножках.

[5] В оригинале фраза звучит как «[держать себя так] будто рядом никого и нет», обр. в знач.: совершенно игнорировать, нисколько не считаться с окружающими.

[6] В оригинале фраза звучит как «разорвать лицо», в знач. [публично] разорвать отношения; прекратить отношения; рассориться; портить отношения.

[7] Обр.: жить душа в душу, быть неразлучными.

<http://bllate.org/book/13377/1190175>